

ЕЛЕНА ГОВОР

Мой темнокожий брат

Елена Говор, историк и писатель из Канберры, занимается изучением русских в Австралии, начиная с ранних дней истории страны и кончая сегодняшним временем. Специально для «АМ» Елена Говор переводит на русский язык свою книгу, вышедшую в свет по-английски, *My Dark Brother*. Эта книга повествует о семье русских иммигрантов Ильиных, поселившихся в Австралии в 1910 году и крепко связавших свою судьбу с австралийскими аборигенами. «АМ» продолжает публикацию русского варианта книги. Начало в №№ 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16. Текст предыдущих глав, опубликованных в «Австралийской мозаике», можно найти на сайте Елены Говор — <http://elena.id.au>

ЛЕАНДРО И РУССКАЯ КОЛОНИЯ НА СЕВЕРНОЙ ТЕРРИТОРИИ

Бетонное здание Национального архива Австралии, располагавшееся в начале 1990-х годов на окраине Канберры, было, казалось, начисто лишено ауры австралийского прошлого. В прохладе кондиционеров забывается знойное австралийское солнце, поблескивают аппараты для чтения микрофильмов, на полках стоят шеренги современных папок с указателями к фондам, а на столах — последнее достижение техники: компьютеры с недавно разработанной поисковой системой документов. Вот с ней-то я и боролась уже несколько дней, пытаюсь выловить в архивных фондах материал о ранней русской эмиграции в Австралии. Наконец, — это было 1 февраля 1994 года — я решила прибегнуть к самому радикальному методу, дав компьютеру команду показать все документы со словом «Russian» в названии. Компьютер, после некоторого колебания, выложил мне описания 600 с лишком дел, и я отважно начала просматривать их одно за другим. Когда, час спустя, я достигла третьей сотни и уже готова была сдаться, на экране появилось название «Русские эмигранты

для Северной территории. Части 1–3. 1911–1913 гг.»¹. Мгновение — и микрофильм в аппарате, и вот стерильно-белый экран наполняет русский голос из далекого 1912 года:

Полная луна сияла — ничего нет красивее этих тропических ночей на берегу моря. Я оглянулся и увидел пароход, который приближался как волшебный дворец, освещенный электричеством...

Ночью динго устроили нам концерт. Хорошо проснуться вот так, лунной ночью, и слушать их дикий вой. Ты чувствуешь себя среди дикой, первозданной природы...

Я всегда, каждый день, пил воду от ручьев, болот, затоков, рек и т. д. Я знаю, что русские не очень-то заботятся о своем здоровье, и если они приедут сюда, то они именно так и будут себя вести. Г-н Владимиров говорит мне, что так я заболею малярией. Если я заболею, то русским нечего сюда ехать.»²

¹ NAA (ACT): A3/1, NT1913/1156, pt 1–3 — Russian Emigrants for Northern Territory. 1911–1913.

² Leandro Illin, 'Report of the Northern Territory', NAA (ACT): A3/1, NT1913/1156, pt 3, pp. 11, 68, 80.

Это был дневник путешествия, который сразу захватил меня. Я поняла, что его автор, имевший столь необычное имя — Леандро Иллин — был незаурядным человеком. Но могла ли я тогда предположить, что этот дневник станет началом целой книги, которую я, вместе с его семьей буду по крупицам собирать в течение многих лет...

Постепенно выяснились все детали истории проекта русской колонии. Оказалось, что вклад Ильиных в русскую колонизацию Австралии не ограничился Маленькой Сибирью. У них были более серьезные планы, на время совпавшие с планами австралийского правительства. В 1911 году наплыв русских эмигрантов в Квинсленд значительно возрос. Иммиграционный Дом в Брисбене был переполнен, а каждый японский пароход привозил все новых русских с Дальнего Востока. Их переселение все больше беспокоило квинслендские власти. Действительно, русские, сходившие с борта пароходов, отличались своим платьем и поведением, и слухи о них ходили разные. Не удивительно, что в восприятии их австралийцами любопытство смешивалось с опасениями. Отношение к русским менялось со дня на день: борцы за свободу, преступники, опытные земледельцы, грязные русские азиаты. Ситуация была на грани взрыва, а русские продолжали прибывать. Русское консульство в Австралии и власти в России издали официальные предупреждения, чтобы предотвратить массовый исход с Дальнего Востока в Австралию, но эти предупреждения произвели противоположный психологический эффект на потенциальных эмигрантов, которые с подозрением относились ко всему, что исходило от властей. «Это они нарочно пишут, чтобы мы не ехали», — заключали русские и продолжали все в большем количестве выезжать в Австралию.

16 ноября 1911 года русский вице-консул в Мельбурне, Харольд Слей, обсудил с министром иностранных дел, Джошуа Томасом, возможность расселения прибывающих русских на Северной территории, население которой составляло в то время всего немногим более трех тысяч человек. У Томаса, бывшего шахтера и энтузиаста развития Северной территории, недавно переданной под прямое управление Австралийской федерации, как кажется, не было никакого предубеждения против русских, более того, он считал, что они превосходные земледельцы. Томас и решил, что если русские в Квинсленде выберут двух ходоков, он организует для них поездку по Северной территории, с тем, чтобы они могли познакомиться

с землей и затем пригласить туда всех желающих соотечественников».³

Как раз наступало Рождество и Русская ассоциация, культурно-благотворительное общество, основанное год назад, созвало русских, рассеянных по всему Квинсленду, на общее собрание в Брисбене, чтобы обсудить планы русской колонии на Северной территории и выбрать ходоков для знакомства с нею. Корреспондент «Брисбенского курьера» писал: «Интерес к этому предмету был столь глубоким и серьезным, что то и дело закипали горячие споры, и только благодаря присутствию более спокойных соотечественников удавалось сдерживать некоторые горячие головы. Большинство мужчин — крепыши, и облик их выдает крестьянское происхождение. Некоторые похожи на ремесленников или даже студентов, но все они горят желанием трудиться в принявшей их стране».⁴

Увы, корреспондент «Курьера» не смог понять сущность разгоревшегося конфликта. В борьбе, происходившей на собрании русских в Брисбене, как в капле воды, отразились страсти, кипевшие в далекой России, страсти, которые достигнут своей кульминации в 1917 году. Пока же, на этом собрании, столкнулись два подхода к судьбам русских в Австралии. Одни, как Леандро Ильин, хотели направить жизнедеятельность общины в конструктивное русло, осуществить с помощью австралийских властей давние чаяния русских крестьян о свободной жизни на своей собственной земле. Другие, возглавляемые революционером-ленинцем Артемом (Федором Андреевичем Сергеевым, 1883–1921), предпочитали путь радикализации русских иммигрантов, воспитание их в духе пролетарской классовой сознательности и превращения в активных проводников идей марксизма-ленинизма в рабочем движении Австралии. Воспользовавшись собранием, Артем захватил руководство в Русской ассоциации и направил ее по пути радикализации и большевизма, а саму Ассоциацию русские стали называть Союз российских эмигрантов, а затем Союз российских рабочих.⁵

Но умеренное крыло русской общины в то время было еще достаточно сильным. Не удивительно, что они с живым интересом отнеслись к плану русской колонии и выбрали Леандро Ильина одним из ходоков на Северную территорию.

³ Elena Govor, *Australia in the Russian Mirror, Changing Perceptions 1770–1919*, Melbourne, MUP, 1997, pp. 213–14.

⁴ 'Russians in Queensland', *Brisbane Courier*, 28 December 1911, p. 5.

⁵ Govor, *Australia in the Russian Mirror*, pp. 219–20.

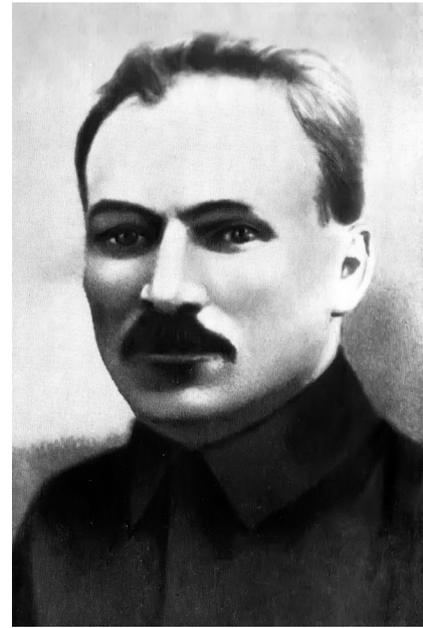
Его зрелый возраст, южноамериканский сельскохозяйственный опыт, путешествия чуть ли не по всему свету, знание английского языка, ум и независимость мышления делали его человеком, на мнение и оценки которого можно положиться, человеком, которому можно доверять, который способен отстаивать интересы своих соотечественников в чужой стране. Несколько месяцев спустя, в момент сомнений, Леандро запишет в своем дневнике: «я не ученый человек... Почему я взвалил на себя эту ответственность?... Будут ли довольны мои соотечественники моим отчетом? Я никогда не думал, что я был подходящим человеком для этой миссии, и отправился в это путешествие только потому, что они хотели, чтобы ходяком стал именно я».⁶ Он зря волновался, ведь он подходил для этой миссии как никто другой, и он доказал это еще до того, как отправился на Северную территорию.

Но прежде, чем мы последуем за Леандро, задержимся на судьбе одного человека, которая заставила меня пристальнее взглянуть в брисбенские события накануне его отъезда. Началась она с фотографии русского господина, которую я обнаружила в ворохе бумаг и фотокарточек у Флоры, дочери Леандро, во время первой встречи с ней, в 1996 году. Подпись на фотографии гласила: «Глубокоуважаемому Леонарду Николаевичу на добрую память от Николая Мановича, 18 августа 1913 года, Бризбен». «Мне помнится, что он был вроде русского священника», — сказала Флора. Я недоверчиво взглядела в пожелтевшее семейное фото — вряд ли русский священник мог оказаться в Австралии в 1913 году, ведь православный приход здесь ведет отсчет с 1923 года. Но два года спустя я убедилась, что память не подвела Флору.

Николай Манович (1872–1925) действительно был священником, хотя прежде, вероятно, он был социалистом. Он бежал из России в Канаду, где был рукоположен епископом в сан священника, но церковь, в которую попал Манович, — Независимая Греческая

церковь — была реформаторской, сочетавшей «православное богослужение... с протестантской доктриной и принципами (т.е. это было своеобразное пресвитерианство восточного обряда)».⁷ За этот отход от истинного православия Мановичу пришлось заплатить дорогой ценой.

Досье Мановича в Квинслендском государственном архиве начинается 16 декабря 1911 г. с письма от некоего мистера Хоуэя из Данидина, в Новой Зеландии, российскому генеральному консулу в Австралии. Автор письма — член местной православной общины — пишет, что русский священник Николай Манович, приехав в Данидин из Канады, возглавил их общину (состоящую преимущественно из сирийцев и греков) и организовал строительство церкви, где вел службу. Члены общины обратились к Патриарху Дамаскскому с просьбой выслать книги и иконы, упомянув, что у них есть православный священник. В ответ они получили материалы расследования, предпринятого Патриархом, об их священнике. Патриарх сообщал, что по данным, полученным из Канады, США и России, священник Манович нигде не значится, и что их Манович был известен в Канаде под именем Николая Зайцева. Лет 18 назад, писал Патриарх, там появился монах, изгнанный из монастыря за какую-то провинность, который подружился с Зайцевым. Через несколько лет упомянутый монах каким-то образом получил звание Епископа всей Канады и он-то возвел Зайцева и еще трех лиц в сан священника. Православный Синод Нью-Йорка и Канады ополчился против новоявленных священников, после чего они основали свой собственный Синод, назвав его Независимые православные Канады. Епископ вскоре был выслан

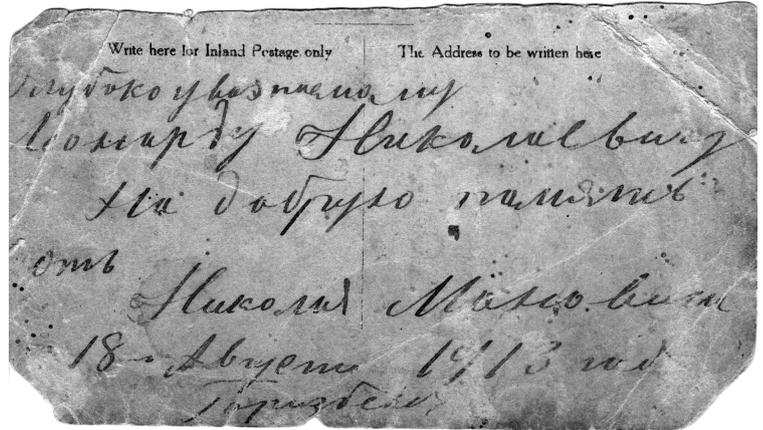
Артем

⁶ Illin, 'Report', p. 51.

⁷ <http://www.hierarchy.religare.ru/h-orthod-ngc.html>

в Россию и арестован. Оставшись один, Зайцев попытался передать свою паству в лоно пресвитерианской церкви и даже получил за это деньги. Когда же этот план не удался, он стал писать статьи и книги, где высказывал свои неортодоксальные взгляды на православие. Подвергшись гонениям со стороны Православного Синода и прихожан, он напечатал в газетах сообщение о смерти Зайцева, а сам объявился в Австралии под именем Николая Мановича.

Узнав, что их священник «ненастоящий», возмущенные прихожане изгнали Мановича из Данидина и послали предупреждение о нем в Австралию, в частности в Брисбен, куда он направлялся. (Согласно его документам о натурализации он приехал в Австралию в 1909 г. и поселился в Брисбене в середине 1911 г., объехав предварительно другие штаты). Вскоре дело Мановича оказалось в руках полиции Квинсленда. В ее отчете 9 января 1912 года сообщалось, что прибыв недавно в Брисбен, Манович обратился к священнику У. Майтленду Вудсу, настоятелю Англиканской церкви Св. Мэри на Кенгуру Поинт, назвавшись отцом Николаем Мановичем, священником русской православной церкви. Манович объяснил Вудсу, что должен был покинуть Россию вследствие своего увлечения социалистическим учением, и что с тех пор он был в Канаде и Новой Зеландии, причем в последнем

Обратная сторона открытки от Николая Мановича

месте он подвергся сильной оппозиции со стороны сирийцев, принадлежащих к православной греческой церкви. Вудс отнесся к Мановичу с доверием, помог ему найти работу упаковщика, а потом предоставил ему и комнату в школе при церкви Св. Мэри для еженедельных православных богослужений, которые посещали русские иммигранты; начало этих богослужений можно датировать второй половиной 1911 года.

То, что произошло дальше, было обычным приемом тайной полиции — российской или австралийской. Полицейские не просто допросили Мановича, а пригрозили ему разоблачением, если он не станет сотрудничать с властями, предоставляя сведения о деятельности радикальной Русской ассоциации (Союза российских эмигрантов). Очевидно Манович вынужден был согласиться на это. Материалов об этом конфиденциальном соглашении в его досье нет, но среди других документов, связанных с русскими, есть два полицейских отчета за февраль 1912 года, начинающиеся словами «На основе беседы с Мановичем сообщая следующее...».

Пока неизвестно, продолжал ли Манович сотрудничать с полицией и в дальнейшем, но складывается впечатление, что она относилась к нему снисходительно и не предпринимала никаких мер против него. Так, когда в сентябре 1912 г. российский генеральный консул А.Н.Абаза выступил с новыми разоблачениями Мановича, называя его самозванцем и заявляя, что, согласно законам Российской Империи, браки, заключенные Мановичем недействительны, полиция сослалась на самого

Николай Манович

Мановича, объяснившего ей, что он и не утверждает противоположное, а просто освящает брак по православному обряду по желанию самих брачующихся.⁸ Несомненно, что, в отсутствие «настоящего» православного священника в Австралии, Манович и дальше продолжал свои богослужения. Об этом свидетельствует и замечание протоиерея Иакова Корчинского, который, объезжая Австралию в 1916 г., стремился «побороть влияние» Мановича на брисбенских русских.⁹ В последние годы жизни Манович ослеп. Он умер в Брисбене в 1925 году. Остались его жена Станислава, и их дочери Аделина–Ксения и Элла–Хелен, которые и были запечатлены на фотографии, подаренной Мановичем Леандро в далеком 1913 году. Брисбенский историк Николай Дмитриевский–Байков разыскал могилу Мановича, а я все не теряю надежды найти его внуков, которые живут где-то в Австралии, возможно и не подозревая о богатой приключениями жизни их деда.

Полиция не случайно поставила на Мановича. Он, как бывший социалист и «гонимый» священник, пользовался доверием радикального крыла Русской ассоциации и присутствовал на ее заседаниях. В это время — начало 1912 года — в Брисбене происходила всеобщая забастовка, которую поддерживала Русская ассоциация. Кроме того, Артем и Ассоциация австралийских рабочих планировали вовлечь русских в австралийское профсоюзное движение, так как русские привнесли бы в него дух социализма. Эти и подобные сообщения полиция истолковывала по-своему, и над русскими всерьез нависла угроза депортации.

В тот критический момент и вмешался Леандро. Манович в своем донесении в полицию сообщал, как Леандро Ильин обратился к русскому консулу в связи с происходившим: «Консул проинформировал Леандро, что действия русских

в связи с забастовкой, а также их планы изготовления бомбы, привлекли внимание правительства; вследствие этого, а также их агрессивного отношения к австралийским властям, планируется выслать обратно в Россию все нежелательные элементы.... [Ильин] убеждал консула, что русские иммигранты являлись миролюбивыми законопослушными людьми, и что правительство не имеет достаточных оснований для применения по отношению к ним таких драконовских мер».¹⁰

Леандро и его семья несомненно пеклись об улучшении положения русских в Австралии и не разделяли большевистского радикализма Артема. Но в то время дело социализма все еще оставалось для них притягательной идеей. Как иначе можно объяснить их близкую связь с Николаем Розалиевым (1884–1932), молодым эсером, который бежал из сибирской ссылки в Австралию?¹¹ Коллекция открыток, написанных русскими соратниками Розалиева и датированных 1911–1912 гг., открыток, которые надо читать между строк — «у нас холодно, хочется лета, тепла, а оно еще не скоро» — чудом сохранились в архиве Флоры. Другой русский радикал, анархо–коммунист Александр Зузенко (1885–1938), попавший в Австралию в 1911 г., называл Николая Ильина своим «духовным отцом».¹² Да это и не

Могила
Николая
Мановича

⁸ Russians 1911–1915, QSA: A/45328, [785M]; Nicholas Manowitch Naturalisation, NAA (ACT): A1, 1916/32039.

⁹ Иаков Корчинский, «Русское православие в Австралии», — В кн.: Юбилейный сборник в память 150-летия русской православной церкви в Северной Америке, New York, 1944, с. 261.

¹⁰ Russians 1911–1915, QSA: A/45328, [785M].

¹¹ Розалиев Н.П. — В кн. Политическая каторга и ссылка, М., 1934, с. 815.

¹² Papers relating to miscellaneous events involving use of a red flag, NAA (Qld): BP4/1, 66/4/2165, p. 360.

удивительно. Один из номеров «Эха Австралии», революционной газеты, которую начал издавать Артем в 1912 году, открывался стихотворением Н. Ильина, который предвещал:

*Над землю, насыщенную кровью, заря
Освещает дорогу свободе.
От венчаных державцев, от зверя-царя
Лишь преданье услышим в народе.¹³*

К февралю 1912 г. здравый взгляд на русскую эмиграцию перевесил, дело с колонией сдвинулось с мертвой точки. Этому помогло знакомство Леандро с Джорджем Барбером, членом парламента от лейбористской партии, через которого и была окончательно организована поездка русских ходоков на Северную территорию. Вторым делегатом с Леандро отправлялся Константин Владимиров, недавно прибывший в Австралию. Он был специалистом в области сельского хозяйства, связанным с сельскохозяйственными и лесоводческими учреждениями в России, членом Русского географического общества. В течение восьми лет он служил заведующим рыболовством на Аральском море и в Туркестане и опубликовал ряд работ в специализированных изданиях.¹⁴

Личность Владимирова, как кажется, была отнюдь не ординарной. Вероятно ему пришлось покинуть Россию из-за причастности к революционному движению. Так или иначе, ему несомненно принадлежит приоритет исполнения в «диких местах» Северной территории русских революционных песен. Согласно Леандро, в то время как их люггер пробивался к устью р. Дейли, «лил проливной дождь. Господин Владимиров стоял на палубе в своем дождевике, распевая: "Будет буря, мы поспорим и померимся мы с ней"». В то же самое время Владимиров был человеком высокомерным, с барскими манерами, и явно не привычным к физическому труду. Уже в начале путешествия Леандро с удивлением записывал в своем дневнике: «Мы несли

Николай Розалиев
(из архива внука Н. Ю. Розалиева)

наш багаж к шлюпке, на небольшое расстояние. Я полагаю, что г. Владимиров делал такую работу впервые в жизни». А еще Владимиров никогда не расставался со своим зонтиком, который стал объектом постоянных шуток Леандро:

Я полагаю, что мы являли собой замечательное полотно. Впереди шествовал туземец, потом я, за мной г. Владимиров на гнедой кобыле под зонтиком, а за ним с визгом трусила свинья.

Зонтик Владимирова совсем износился и начал ломаться. По моему мнению, если русские будут удовлетворены его отчетом, они должны преподнести ему новый зонтик с дарственной надписью.¹⁵

Тем не менее, Владимиров отличался большим самообладанием и был опытным путешественником и, хотя путешествие по неосвоенной Северной территории было для него испытанием, он с честью его выдержал. Вообще же Ильин и Владимиров прекрасно дополняли друг друга. Важный вклад Леандро в успех их экспедиции состоял в его знании английского языка, что было большой редкостью среди русских иммигрантов того времени. Владимиров, к примеру, не знал английский язык

¹³ Н. Ильин. «Много пето про небо...». — Эхо Австралии, 1912, № 9, с. 2.

¹⁴ G. Barber to J. Thomas, February 1912, NAA (ACT): A3/1, NT1913/1156, part 2.

¹⁵ Illin, 'Report', pp. 6, 10, 14, 23, 43.

совсем. Однако он обладал важным качеством — опытом систематической организации наблюдаемых фактов. После экспедиции он предоставил министерству иностранных дел «Отчет о поездке в Северную территорию» (шестьдесят четыре страницы машинописного текста), который обсуждал в систематической форме ее географию, сельское хозяйство и колонизацию. По-существу это было первое всестороннее описанием Территории, с анализом ее проблем и перспектив.¹⁶

Леандро подошел к задаче по-другому: «Моя идея отнюдь не в том, чтобы собрать отзывы других людей, выбирая лучшие из них, я предпочитаю писать о том, что я видел сам».¹⁷ Лучшей формой для этого был дневник. Дневник, и особенно дневник путешествия, всегда представляет собой компромисс между тем, что написано для самого себя, и тем, что предназначено для чтения другими. Некоторые путешественники в дальнейшем переписывают свои дневники, сокращая в них долю частного. Леандро знал с самого начала, что его дневник будет представлен чиновникам в министерстве иностранных дел и общине русских иммигрантов. Это, тем не менее, не заставляло его переписать или сократить поток частного в дневнике. Таким образом, его «Отчет о Северной территории» (девятью страницами машинописного текста) является удивительной комбинацией путевого дневника, официального отчета для правительства, где он обсуждает серьезные социально-экономические проблемы, и сугубо личных заметок и размышлений — иногда юмористических, иногда поэтических, — перемежающихся с воспоминаниями о его прежней жизни.¹⁸ Осмысление общих вопросов через свой собственный жизненный опыт было характерной особенностью Леандро. В таком же стиле он будет писать и дальше — письма правительственным чиновникам и письма редактору «Херберт Ривер Экспресс».

¹⁶ K.N. Vladimirov, 'Report on the Northern Territory of Australia', NAA (ACT): A3/1, NT1913/1156, part 3.

¹⁷ Illin, 'Report', p. 52.

¹⁸ Illin, 'Report', NAA (ACT): A3/1, NT1913/1156, part 3.

Делать вещи *comme il faut* — «как принято» — это был не его стиль. В оценке того, что он писал, он признавал два критерия — честность и ясность. Этот дневник стал литературным дебютом Леандро. Но это был дебют и идей Николая: его сын, воспитанный в стиле Жан Жака Руссо, в условиях полной свободы простой естественной жизни, теперь самостоятельно входил во взрослый сложный мир.

24 февраля 1912 г. Леандро Ильин и Константин Владимиров сели на «Империю» в Брисбене. Вся их поездка была организована за счет федерального правительства. Пройдя вдоль восточного побережья Австралии и острова Четверга, 4 марта они прибыли в Дарвин. Они провели на севере полуострова Арнхемленд больше двух месяцев, осмотрев два десятка ферм в районе реки Дейли, Пайн-Крик и реки Аделейд. Путешествие их началось с того, что вместе с группой чиновников из центра они попытались достичь морским путем места, где планировалось устроить демонстрационную ферму «Дейли Ривер». За четыре дня их люггер продвинулся только на 37 миль, поскольку дул противный ветер, и в конце концов было решено вернуться в Дарвин. После этого они отправились на поезде к Пайн-Крик, посетив на обратном пути Брокс-Крик, Стейплтон и экспериментальную ферму Батчелор.

Их следующая поездка была к низовьям реки Аделейд, где они посетили Блю-Вотер-Хоул и Хампти-Ду. Они также осмотрели много ферм вокруг Дарвина и поехали в Чарльз Поинт морским путем. Их заключительная поездка была к району реки Дейли. Они доехали поездом до Брокс-Крик и затем верхом с проводниками-аборигенами добрались до плантации Гленавон на реке Дейли. Эта последняя поездка заняла двенадцать дней.

**Оглавление
отчета К. Н.
Владиминова**

Оглавление.

Глава 1. Вступление	Листы 1-2.
" 2. Существование в окрестностях Пайн-Крика и Парквилла	" 3-15.
" 3. Сельское хозяйство	" 16-19.
" 4. Промыслы на воде	" 20.
О возможности колонизации окрестностей Пайн-Крика и Парквилла этими людьми .	
Глава 5. Поездка в окрестности к Н. Ф.	21-24.
" 6. Парквилл	24-28.
" 7. Колонисты	28-29.
" 8. Описание	30-31.
" 9. Поездка Н. Ф. на ферму	32-33.
" 10. Наши мысли о Н. Ф.	34-35.
" 11. Заключение	35-36.

Описывая их путешествие по Территории, Леандро, как кажется, был зачарован ее первозданной природой. «Мы подошли, — рассказывает он, — к чудесному глубокому ручью с водой чистой, как хрусталь, 15 футов глубиной. Было так жарко, что я просто вошел в ручей и пил стоя, как лошадь, пока не напился». «В устье Бамбу–Крик... я услышал шум и подумал, что это аллигаторы. Я пробрался тихонько к берегу и через прибрежный кустарник увидел замечательную вещь. Ручей был полон большими рыбинами. Иногда они выпрыгивали из воды и производили шум, который и привлек мое внимание». Это был мир, где «сотни кенгуру и валлаби следовали» за путешественниками, в то время как они «шли через джунгли» около реки Дейли; где травы были «в рост лошади»; где над болотами около реки Аделейд кружили «миллионы гусей», уток и других птиц, а стада диких буйволов и свиней мчались через лес.¹⁹

В дневнике Леандро много ярких, запоминающихся зарисовок стиля жизни жителей «фронтьера»: «Старый поселенец в Вил–Данкс–Крик [где–то около реки Дейли], г. Джордж Уорр... встретил нас очень любезно, принес прекрасный, сладкий арбуз из своего небольшого огорода, и зарезал для нас козу. У него сидело несколько аборигенов, и темнокожая леди завела для нас граммофон. Похоже, что они много лет пользуются одной и той же иглой. Деревянные части граммофона съели белые муравьи, и весь механизм держится вместе каким–то чудом». Состоятельные фермеры, выходявшие к 5–часовому чаю в «райских костюмах и босиком», «хампи» (хижина) из коры, «волокна коры», используемые как матрас — этот мир был свободен от пресловутой «английскости», которую так сурово критиковали русские путешественники, посещая австралийские города.²⁰ Ильин и Владимирова воспринимали этих белых пионеров как «австралийцев», новую нацию. Более того, к этому времени словарь Леандро обогатился местными австралийскими словами, которые он использовал без кавычек, как вполне привычные для него — *brumby* (дикая лошадь), *billy-can* (походный котелок), *dampier* (лепешка), *humpy* (хижина из коры), *billabong* (старица), *lubra* (женщина–аборигенка), и так далее.

Аборигены были важной составляющей этого мира «фронтьера», и дневник Ильина стал ценным источником сведений об аборигенах

Северной территории в то время, когда их общество, несмотря на вторжение колонистов, все еще сохранило много традиционных особенностей. Ильин и Владимирова писали о численности и социальном составе «лагерей» аборигенов, их традиционной пище, роли охоты и собирательства дикого риса. Они также отмечали важную роль, которую играла традиционная религия в жизни аборигенов. Но главной проблемой, которой они уделяли внимание, была вопиющая картина европейской эксплуатации и жестокости в отношении аборигенов, факты, которые были описаны Ильиным в его дневнике и впоследствии переданы федеральному правительству.

Читая дневник Леандро, я обратила внимание на его отношение к аборигенам. Он замечал и пытался довести до сведения федерального правительства то, что многие белые поселенцы того времени считали в порядке вещей. Разделяя типичное для своего времени убеждение в превосходстве белого человека над аборигенами в их нынешнем состоянии, Леандро тем не менее осознавал и превосходство аборигенов в некоторых областях, и, что самое главное, был убежден, что европейцы должны обращаться с аборигенами как с равными. В дневнике он описывал вопиющие факты эксплуатации аборигенов фермерами.

Например, добравшись до плантации на реке Дейли, русские получили первый урок обращения с аборигенами от Томаса и Робертса, владельцев плантации Гленавон. Когда Леандро хотел заплатить аборигенам–проводникам провизией, хозяева плантации потребовали, чтобы он «не портил их черных, т.к. они не получают столько еды и за год работы». На следующий день, когда Леандро хотел выбросить банку испортившихся консервов, хозяин посоветовал отдать ее туземцам. «Но ведь они могут отравиться», — возразил Леандро. «Ничего, их еще много», — равнодушно ответил тот. Когда же Леандро предложил аборигенам чай, плантатор сердито закричал: «Хватит с них и воды, не смей портить моих черных!» Для Робертса было в порядке вещей пугнуть выстрелом «черномазых», приближающихся к его полю. «Не удивительно ли видеть в свободной Австралии человека в пробковом шлеме, стоящим посреди двадцати черных и сжимающим Браунинг в кармане?» — заключал Леандро саркастически.

Двадцати аборигенам, которые работали на ферме, платили вареной кукурузой и табаком, выращенными их же руками, и парой брюк, или ремнем, или шляпой за год работы. «Это — меньше чем два пенса на человека за еду», подсчитал

¹⁹ Illin, 'Report', pp. 36, 45, 47, 50, 78, 79.

²⁰ Illin, 'Report', pp. 22, 40, 84; Govor, *Australia in the Russian Mirror*, pp. 104–105, 108–109, 204.

Леандро. Голодающие аборигены должны были приносить с собой на работу свою собственную пищу, что дало Томасу основания похвастаться русским: «Разве они не глупые животные? Они имеют много дичи и рыбы, и могли бы жить без работы, но они приходят на работу, да еще приносят с собой жратву». Русские постоянно слышали от местных жителей, что они могли использовать труд аборигенов даром.

Леандро видел, что вторжение белых принесло аборигенам все виды зла, такие как пристрастие к алкоголю и табаку, «что держит туземцев в рабстве». «Их английский язык состоит по большей части из ругательств». Их женщины использовались для сожительства белыми поселенцами, а дети содержались в миссии на острове Батерст («своего рода тюрьме для несчастных метисов»). Русские видели аборигенов, скованных цепью и заключенных в тюрьму, и присутствовали на судебном заседании, где судили аборигенов, не понимавших того, что с ними делают. Все это произвело удручающее впечатление на русских.

Однако, Леандро описал и совсем другое отношение к аборигенам со стороны некоторых фермеров. Мистера Глассона, который жил недалеко от Томаса, не любили соседи, потому что он обращался с аборигенами лучше, чем другие. Мистер У. Мильтон, культурный фермер, живший недалеко от Стейплтона, согласно Леандро, «хорошо отзывается об аборигенах, которые у него работают. Он говорит, что они могут сделать любую работу на ферме почти так же, как он сам. Мистер Мильтон обращается с ними хорошо, и обеспечивает одеждой и провизией так же, как самого себя. Это показывает, что туземцы могут быть полезными с хорошими людьми».

Леандро признавал и даже восхищался традиционными навыками аборигенов: «По их мнению они превосходят белых, и в некотором отношении это так и есть. Они могут найти и поймать любое животное. Они найдут пищу там, где белые умерли бы от голода. Они могут найти по следу, кого захотят и видят вас, когда вы не видите их.... Туземцы прекрасные ходоки». При всем этом он был далек от идеализации аборигенов в их нынешнем состоянии. Его отношение к аборигенам строилось на основе двух различных — по существу противоположных — подходов. С одной стороны, это было отношение русского интеллигента, убежденного в равенстве всех людей; но с другой стороны, он относился к аборигенам, как и любой русский, с состраданием к униженным, смешанным с европейским убеждением в превосходстве белого человека. Запутанности его восприятия способствовало и то, что общество

аборигенов, которое он наблюдал, находилось уже в состоянии разрушения, утраты традиционных ценностей, что было вызвано европейским вторжением. Не мудрено, что временами в дневнике Леандро проскальзывали обывательские суждения: «Различие между [аборигенами] и животными очень невелико.... С ними нельзя обращаться хорошо, потому что, если вы дадите им палец, они попытаются получить целую руку.... Если вы не покажете им, кто босс, они замучат вас, прося то одно, то другое».²¹

Но такие утверждения он делал только на «теоретических» страницах своего дневника. На практике же он руководствовался лучшим и более надежным барометром — своим собственным сердцем, которое не позволяло ему быть ни авторитарным, ни сентиментальным. Для него гораздо естественнее было быть беспристрастным наблюдателем, юмористическим рассказчиком и честным партнером в его контактах с аборигенами. В то время он еще не подозревал, что европейско-аборигенские отношения скоро станут камнем преткновения в его собственной жизни.

Восхищаясь первозданностью природы Северной Территории, Леандро понимал социальные проблемы, которые немедленно возникнут перед русскими иммигрантами, поселившимися здесь. Главное, что беспокоило его, был алкоголь. Обычай совместной выпивки после работы, когда каждый в пабе по очереди угощает всех присутствующих, распространенный по всей Австралии, на Территории принимал особенно опасные формы, поскольку здесь бары были единственным местом, где мужчины могли отдохнуть. Леандро стремился убедить федеральные власти, что запрет алкоголя на Территории был не менее важен, чем решение сельскохозяйственных проблем, и особенно это было важно для русских: «я знаю, что русские, так же как другие народы, и возможно больше, чем другие, любят посещать бары, и я хотел бы найти для них «рай», который является трезвым сообществом — защитить мужчин от самих себя».²²

Эта поездка позволила Леандро близко познакомиться с австралийскими властью имущими. Он знал о произволе русских властей, главным образом по рассказам своего отца; он знал латиноамериканский маскарад, где диктатура пряталась под маской демократии; теперь ему — «недавнему иммигранту с широко открытыми глазами» — предстояло познакомиться с австралийской демократией. С самого начала,

²¹ Illin, 'Report', pp. 5, 34, 63–64, 68, 73, 75–78, 81–83.

²² Illin, 'Report', pp. 24–27.

по пути на Территорию на борту «Империи», во время поездок по самой Территории, и на «Сент-Албансе», на котором они вернулись в Квинсленд, Ильин и Владимиров находились в окружении высокопоставленных должностных лиц. Среди них был сэр Джошуа Томас, министр иностранных дел, сенаторы Э. Макдугал и Франк Бреннан, министр связи С. Х. Вайс, несколько членов палаты представителей, а также Дж. Ф. Рамзи, представитель министерства сельского хозяйства, и сэр Хьюберт Марри, губернатор Новой Гвинеи. Они также познакомились с административной элитой Территории: судьей С. Дж. Митчеллом, администратором Территории профессором Гилрутсом, который приехал, чтобы заменить Митчелла, выполнявшего функции администратора, директором сельского хозяйства Кларком, судьей Малламом, бывшим полицейским инспектором Полом Фёлше и директором ботанического сада Николасом Хольце. Годы спустя, вспоминая то время, Леандро писал: «я могу уверить вас, что они были смертными, как и мы. У одних были способности, у других — удача, у третьих — поддержка, у четвертых, возможно, связи, а некоторые были хорошиими актерами».

Близкое знакомство с местными органами власти дало русским делегатам богатый материал, который отражен в дневнике Леандро. Постепенно они познакомились с «пунктуальностью по-дарвински» и с бюрократией, какая бывает «только на государственной службе». Леандро потребовались несколько недель, чтобы убедить местных чиновников, и особенно Николаса Хольце, позволить им добраться до реки Дейли по суше: чиновники уверяли русских, что дороги были непроходимы, что оказалось совсем не так — Леандро и Владимиров обнаружили это, совершив поездку на свой собственный страх и риск. «Бедная администрация Северной территории! Я думаю, что они знают о своей Территории столько же, сколько и я, и все по слухам... За всю поездку мы не встретили ни одного места, где нам пришлось бы замочить ноги, и ни одного ручья, через который я не смог бы перепрыгнуть», комментировал Леандро.

Характерно для Леандро, что, когда он и Владимиров застряли в Дарвине из-за предполагаемых наводнений, он пошел к администратору Территории Митчеллу. «Я попросил, чтобы он дал мне какую-нибудь работу (киркой и лопатой или еще какую-нибудь), и я буду ждать, пока погода переменится, а г. Владимиров был согласен жить за свой собственный счет.... Его Превосходительство сказал нам, что на Север-

ной территории не было никакой работы, но он обещал обратиться к правительству относительно продления нашего пребывания там». Вскоре Леандро понял, что он и чиновники говорили на разных языках — они были неспособны понять точку зрения Леандро: «я не люблю жить за счет правительства, не делая ничего».

Русские чувствовали, что местные государственные служащие «не принимали их всерьез», точно так же, как и группу федеральных чиновников, прибывших одновременно с ними для знакомства с возможностями сельского хозяйства на Территории. Например, Леандро полагал, что дарвинские чиновники послали группу этих федеральных инспекторов на экспериментальную ферму Батчелор, «где смотреть было нечего», вместо того, чтобы показать им преуспевающую частную ферму, только потому, что «надпись “Экспериментальная ферма Батчелор”, сделанная большими буквами у въезда на ферму, производила очень хорошее впечатление и вселяла в сердца надежду».

Удручающее впечатление, которое сложилось у русских о местных органах власти, было подкреплено старожилом Территории и бывшим полицейским инспектором Полом Фёлшем, который полагал, что много начинаний там потерпели неудачу, «потому что управляющие вместо того, чтобы тратить деньги на дело, для которого они были предназначены, растрачивали их на выпивку, строительство прекрасных коттеджей для себя, создание трамвайных линий и телефонных линий... Сахарный тростник сажали на гравии, и такое отношение можно было наблюдать в любом бизнесе».²³ Вывод русских ходоков был однозначным: слабое, неадекватное, расточительное управление, при котором администрация умела только пускать пыль в глаза во время инспекций из центра. Они считали, что именно федеральное правительство могло изменить ситуацию на Территории в лучшую сторону и способствовать ее заселению.

Главное внимание русские делегаты уделяли, конечно, состоянию сельского хозяйства на Северной территории и перспективам русского поселения там. Их замечания занимают много страниц в их дневниках и представляют большую ценность, поскольку они насыщены данными и написаны на основе личных контактов с фермерами, отражая разнообразие их мнений; в дневниках зафиксированы встречи, по крайней

²³ L. Illin, 'Correspondence. North Australia', *Herbert River Express (HRE)*, 22 December 1936; L. Illin, 'Correspondence', *HRE*, 13 August 1938; Illin, 'Report', pp. 10, 16–17, 61–62, 87–89.

мере, с двумя дюжинами фермеров, сопровождаемые яркими портретами некоторых из них. «Я заметил, что на Территории по существу не было никакого рынка сбыта, — писал Леандро годы спустя, — и дорогостоящие продукты не выращивались... Главная цель большинства поселенцев состояла, как казалось, в том, чтобы избавиться от своих ферм, продав их правительству, и ко мне обратилось несколько фермеров, прося рекомендовать их фермы для передачи правительству. Большинство работ на фермах делалось аборигенами с мотыгами, причем некоторые фермеры выступали в роли надсмотрщиков с револьвером на поясе».

Но русских ходоков не обескуражили скромные достижения экономики Северной территории, они верили в ее потенциал. «Климат... не столь страшен, как его рисуют». «Европейцы могут жить и работать на Северной территории, конечно, предпринимая некоторые предосторожности». Относительно предосторожностей, Владимиров полагал, что там следует пить только кипяченую воду, в то время как Леандро предпринял опасный эксперимент на себе и пил воду из всех ручьев так же, как будут делать его беззаботные русские собратья. К счастью, этот эксперимент окончился для него благополучно.

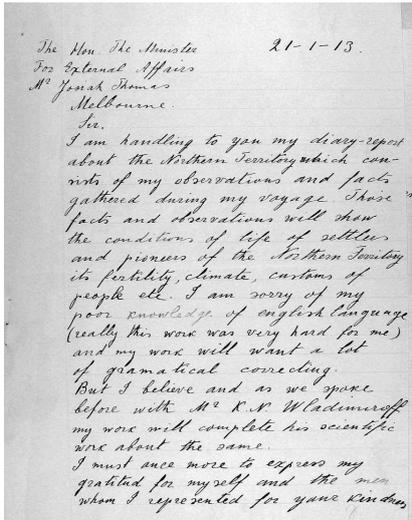
Рекомендации Ильина и Владимирова относительно расселения их земляков на Северной территории были в целом положительные. Они считали, что условия там не подходят ни для работы по найму, ни для расселения русских в компактных поселениях — деревнях. Лучшим занятием для русских поселенцев было бы фермерское хозяйство смешанного типа, где свиноводство дополнялось бы огородничеством и разведением коз для обеспечения нужд семьи фермера. От правительства требовалась лишь первоначальная помощь — обеспечить переселенцев жилищем, дать скот, семена и расчищенный участок. Это, считали они, было бы оптимальным путем, так как Северная территория того времени вряд ли могла привлечь людей с капиталом, людей, желающих разбогатеть — для этого в Австралии были более подходящие районы. Однако, это была хорошая страна для людей, которые «нуждаются не в большом количестве денег, а в пропитании и спокойной жизни». «Возьмите человека, которому нечего терять, голодающих, помогите им немного, и они заживут хорошо», — взывал Ильин к федеральному правительству.²⁴

6 мая 1912 г. Леандро встретился с министром иностранных дел Джошуа Томасом в правительственной резиденции в Дарвине и изложил ему свои первые впечатления от пригодности Северной территории для русской колонии. Русским ходокам предстояло теперь возвратиться в Квинсленд, чтобы сообщить соотечественникам о своих впечатлениях. Они получили билеты первого класса на «Сент-Албанс», но тут возникла неожиданная проблема. «Поскольку я износил всю свою одежду во время наших путешествий по Северной территории, — писал Леандро, — а весь мой капитал составлял только два шиллинга..., я не хотел ехать первым классом..., но г. Владимиров не согласился со мной. Я понимал, что путешествие среди хорошо одетых людей в таком костюме, как мой, будет вызовом, но ничего не мог поделать». Сам Леандро всегда считал, что «высокопарность — это не мое» и восхищался греческими философами Диогеном и Сократом, «проповедовавшими простую жизнь».

7 мая 1912 г., вместе с несколькими федеральными чиновниками, русские отплыли обратно в Квинсленд на «Сент-Албанс». Леандро сошел с корабля в Кэрнсе и навестил своих родных на ферме в Маленькой Сибири. Здесь ему попали в руки русские газеты с сообщениями о голоде в России, что окончательно склонило его в пользу русской колонии на Северной территории. Он тут же написал министру иностранных дел: «я хочу сделать все, что возможно для моих соотечественников и Австралии и убежден, что переселение на Северную территорию для них было бы спасением от голода». А Николай Ильин испытывал неподдельную гордость за своего Леандро: «Мой старший сын ... привез дневник, полный серьезных и интересных наблюдений», писал он в русскую газету «Новое время».

В июле 1912 г. Леандро выступил перед русской колонией в Брисбене. Он не приукрашивал действительность. «Я собираюсь рассказать своим соотечественникам о том, что я видел, ... и позволить им сформировать свое собственное мнение», заявил он по пути в Брисбен в интервью газете «Кэрнс Пост», которая, характеризуя Леандро, подчеркнула, как «привлекательно и разумно» он говорил. Русские, работавшие в то время, в основном, чернорабочими на строительстве железных дорог, проявили большой интерес к переселению на собственную землю. После выступления Леандро они с любовью истинных крестьян разминали в руках землю и рассматривали образцы злаков,

²⁴ Illin, 'Correspondence. North Australia', p.4; Illin, 'Report', pp. 22, 51, 70–72, 80, 91–92; Vladimirov, 'Report', pp. 55, 59–62.

**Письмо
Леандро
Ильина
министру
иностраннх
дел Джошуа
Томасу.**

ро поселился в Сиднее, где переводил свой дневник на английский язык; за это время он израсходовал все свои сбережения, и наконец, «не мог более остановиться в Сиднее и должен был поехать на работу» в Кобар, на угольную шахту. У него не было даже денег для перепечатки своего дневника-отчета, и он снова обратился к Томасу, который выдал ему небольшую субсидию для этой цели. Наконец, Леандро отправился в Мельбурн на «Орсова», чтобы лично передать свой отчет Томасу. Они встретились 25 января 1913 г. и обсудили его сообщение. Леандро так стремился помочь русской общине в Австралии, что был готов даже бросить свою ферму в Маленькой Сибири и отправиться на Северную территорию: «Поскольку русские продолжают приезжать в Австралию, возможно, я смог бы принести больше пользы, будучи на Северной территории, и помочь им на месте с вопросами переселения». Он даже купил хороший фотоаппарат, чтобы «проиллюстрировать мои дальнейшие сообщения фотографиями».²⁵

Этим планам не суждено было сбыться. К сожалению, в 1913 г., после ухода с министерского поста Джошуа Томаса, поддерживавшего русских, правительство утратило интерес к этому проекту. Хотя предложения Ильина

привезенных им с Северной территории. Теперь дело было за правительством.

В последующие месяцы Леандро послал несколько писем и телеграмм министру иностранных дел Джошуа Томасу, прося его спасти голодающих в России и направить тех русских, которые уже были в Квинсленде, на Северную территорию. Сам же Леанд-

и Владимиров о хозяйстве смешанного типа и первоначальной правительственной помощи русским поселенцам на целинных землях Северной территории были вполне реалистичны, они не были приняты. Русские, привыкшие вести натуральное хозяйство в экстремальных климатических условиях, были, возможно, идеальными поселенцами для Северной территории. Сотня таких колонистов могла бы оказать положительное воздействие на экономику Северной территории и способствовать ее дальнейшему развитию. В то же время благоприятные условия для русской сельскохозяйственной колонии, возможность сразу осесть на земле, могли повлиять и на судьбы русской общины в Австралии. Небольшая помощь, которая требовалась от правительства, вскоре могла бы обернуться сторицей. К сожалению, этого не произошло, и вместо того, чтобы стать фермерами и вращивать австралийскую жизнь, русские эмигранты так и остались наемными рабочими, все более радикализируясь, что в конечном итоге привело к печально знаменитым «бунтам красного флага» в 1919 г.

Неудача проекта, которому Леандро посвятил более года своей жизни, — ведь он работал на благо русской общины, не получая никакого вознаграждения и, наоборот, теряя драгоценное время, которое он мог посвятить расчистке своего участка в Маленькой Сибири и, таким образом, повысить его стоимость, — был первым серьезным разочарованием, которое он испытал в отношении социально-политической системы Австралии. Несколько русских, приехавших в Дарвин, были либо посланы на экспериментальную ферму Батчелор («самое ужасное и отвратительное место из всего, что я видел на Северной территории», согласно мнению Леандро), либо пытались выжить как чернорабочие в Дарвине, а затем на постройке железной дороги в районе Пайн-Крик.²⁶

Продолжение следует

²⁵ Illin, 'Report', pp. 90–91; Illin, 'Correspondence', HRE, 13 August 1938; Н. Ильин, Русские в Австралии. — Новое время, 30 июля 1912, с. 2; NAA (ACT): A3/1, NT1913/1156, parts 1–2; 'Return of the Russian Delegates', Cairns Post, p. 8.

²⁶ Illin, 'Report', p. 9.